

УДК 81'373

Г.И. Климовская

ДЕЛО О СИНЛЕКСАХ (К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ПОДХОДЕ К НОМИНАТИВНОМУ МАТЕРИАЛУ ЯЗЫКА)

Дается теоретическое обоснование так называемой синлексики как пласта морфологически композитивного (составного), устойчивого (по составу и порядку следования лекс в рамках каждого синлекса), стилистически нейтрального номинативного материала русского языка.

Ключевые слова: номинативный состав языка; слово; синлекс; функциональный подход к языку.

Два разных обстоятельства послужили побудительным мотивом к написанию этой статьи, главной целью которой является защита огромного фонда устойчивых словосочетаний (точнее – лексосочетаний) «чисто» номинативного типа – синлексов¹ – как «законной» второй половины (если не большей части) номинативного состава русского языка.

Во-первых, в ходе обсуждения в течение последних лет работ (статей, кандидатских диссертаций по проблематике синлексикологической группы кафедры общего и славяно-русского языкознания и классической филологии Томского университета [1–2]) систематически ставилась под вопрос и даже вызывала возражение лингвистическая квалификация таких номинативных единиц, как синлексы, в рамках номинативного состава русского языка.

Под синлексами в рамках синлексикологической теории понимаются устойчивые (по составу и порядку следования составных элементов – лекс) словосочетания (а точнее – лексосочетания), выполняющие ничем не осложненную номинативную функцию, принципиально безобразные (или обладающие не востребованной, стертой образностью), не имеющие аналогичных по лексическому значению единиц в собственно словной части номинативного состава и отличающиеся от «собственно слов» только морфологической составностью и грамматической раздельнооформленностью и графической раздельностью элементов (лекс).

Не только в порядке иллюстрации, но и с доказательной целью далее приводится достаточно большой список синлексов русского языка, эксплицирующий факт их соотнесенности со всеми знаменательными частями речи (что также сближает их с собственно словом). При этом с целью подчеркнуть номинативный, не грамматический характер этого материала отдельным его частеречным пластам приписаны обозначения, отличные от названий соответствующих частей речи (как в основном морфологических разрядов): **субстантив-атрибутивы** и **субстантив-субстантивы** (в отличие от имен существительных), **адъективы** (в отличие от имен прилагательных), **вербалы** (в отличие от глаголов), **адвербиалы** (в отличие от наречий):

¹ Термин «синлекс» введен автором данной статьи.

субстантив-атрибутивы

земной шар
земная ось
головной убор
записная книжка
оркестровая яма
роdimое пятно
абсолютное большинство
прожиточный минимум
солнечное затмение
печатный лист
общая тетрадь
учебное пособие
вечная мерзлота
сухой закон
электрический стул

адъективы

средней величины
готовый к употреблению
комнатной температуры
цвета морской воды
цвета кофе с молоком
высшего сорта
свой собственный
среднего роста
местных сортов
местного значения
в крупную клетку
карельской березы
пряного посла
тот или иной

адвербиалы

в виде исключения
в порядке очереди
в алфавитном порядке
в довершение всего
в первом приближении
в полном объеме
в первую очередь
в лучшем случае

субстантив-субстантивы

произведение искусства
извержение вулкана
черта характера
черты лица
место работы
место рождения
отрезок времени
точка пересечения
точка кипения
режим дня
часть света
часть тела
часть речи
группа крови
группа поддержки
курс лечения

вербалы

оказать помощь
оказать влияние
принять в расчет
иметь в виду
играть роль
иметь значение
навести порядок
одержать победу
потерпеть поражение
привести в порядок
принимать участие
принимать гостей
вдаваться в подробности
выйти из употребления
встать на учет
сняться с учета
дать ответ

адвербиалы

время от времени
в ближайшее время
в настоящее время
в настоящий момент
в обязательном порядке
в черте города
на въезде в город
на выезде из города

в любом случае
во что бы то ни стало
ни в коем случае
по мере надобности
с переменным успехом
в общем виде
в безвоздушном пространстве

в срочном порядке
в обеденный перерыв
на той неделе
в любой момент
в целях пропаганды
без видимых усилий
без посторонней помощи.

С целью подчеркнуть верификационные и доказательные возможности достаточно больших списков синлексов следует сказать, что зачастую одно только их предъявление даже «просто» носителям языка выводит их в рефлексивную позицию по отношению к синлексам как таковым, позволяет осознать их как уже парадигматизированный (втянутый в лексическую систему) материал языка.

Второе обстоятельство, побудившее лишний раз обратиться к «делу о синлексах», заключается в том, что в целом ряде статей, монографий и кандидатских диссертаций [3–6], выполненных в теоретическом русле когнитивной лингвистики и посвященных выявлению и описанию номинативного материала, концентрированного вокруг тех или иных концептов как ядерных семантических единиц языковой картины мира, учитывается исключительно словный материал и только в редких случаях, как бы невзначай, без особой оговорки включаются в рассмотрение единицы типа синлексов. Между тем представляется, что неучет синлексического номинативного материала делает концептуальные семантические поля принципиально неполными, что отражается и на содержании выводов из этих работ. Это последнее положение дел будет проиллюстрировано далее в этой статье.

Целью данной статьи является своеобразная – и теоретическая и фактуальная – защита синлексики как «законного» номинативного материала языка, без учета которого не только номинативный состав языка, но и её величество языковая картина мира не могут считаться полными – и по количественному составу, и по многим структурным, семантическим и собственно когнитивным признакам.

Лингвистический парадокс синлексики, как она в первом приближении определена и представлена выше, заключается в том, что она являет собой количественно огромный и абсолютно необходимый фонд номинативного материала языка (излишне было бы напоминать, что номинативная функция одна из важнейших функций языка) и при этом, если не считать серии работ разного формата, выполненных членами упомянутой синлексикологической группы, находится в глубокой тени, отбрасываемой, с одной стороны, успехами отечественной лексикологии и лексикографии (в том числе в онтологической парадигме когнитивной лингвистики), а с другой – мощным развитием фразеологии как науки об устойчивых, принципиально образных, номинативно-выразительных сочетаниях [7].

Кроме того, требует оговорки то обстоятельство, что материал типа синлексики много раз становился объектом рассмотрения в статьях и даже монографиях разных лет, однако не был теоретически институирован в соответствии со своей – лексической, «чисто» номинативной – природой и не

получал поэтому адекватного теоретического осмысления. В основной массе таких работ этот материал выступал под неопределенными обозначениями типа «глагольные устойчивые словосочетания» и подвергался частичному лексикологическому и в той же мере частичному синтаксическому описанию [8–11].

Так, например, частично, фрагментарно, как маргинальная разновидность фразеологического материала языка стилистически принципиально нейтральная синлексика (собственно синлексика) отражена в фундаментальном «Словаре сочетаемости слов русского языка» [12]. Собственно синлексы (так называемой параметрической структуры – 6) (*тяжелые, легкие металлы, черные, цветные металлы*) помещены под знаком «ромб», под которым в данном словаре объединены словосочетания «со свернутым значением заголовочного слова», «наиболее употребительные речевые формулы», «некоторые важные со страноведческой точки зрения составные наименования советских реалий» [12. С. 280] и т.п. Под таким же знаком здесь помещены общеупотребительные метафоры *металлический голос, металлические нотки*, но не нашли отражения адъективные синлексы *желтого металла*, в *металлическом корпусе*, субстантив-атрибутивы *драгоценный металл, желтый металл*, а синлексы *металлический лом (металлолом), металлический блеск и металлический рубль* стоят в одном ряду со свободными словосочетаниями *металлическая кровать, металлический стержень* и под.

Справедливости ради следует сказать, что устойчивые словосочетания номинативного назначения (собственно синлексы) многократно попадали в поле бокового теоретического зрения разных отечественных и зарубежных лингвистов. Так, еще Ф.Ф. Фортунатов единицы типа *железная дорога и великий пост* отличает от свободных словосочетаний и слов, именуя их «слитными речениями» [13. С. 173–174]. О «разложимых грамматически неразложимых словосочетаниях» типа *железная дорога, почтовая бумага, игральная карта* писал А.А. Шахматов [14. С. 308–309]. Отдельные упоминания о номинативных единицах типа синлексов встречаются в трудах Л.В. Щербы [15]; Ш. Балли, обративший внимание на «семантическую неразложимость и воспроизводимость» такого рода единиц, вообще пришел к выводу, что «слово в большинстве своем является единицей иллюзорной, обманчивой, отнюдь не всегда соответствующей единицам мысли... конкретному представлению или абстрактному понятию» [16. С. 19]. Далее в этом ряду должны быть упомянуты работы О. Есперсена [17], Э. Коссериу (назвавшего единицы типа синлексов «лексическими солидарностями») [18] и др.

Особняком в этом плане стоят работы З.Н. Левита, впервые прямо и обоснованно назвавшего данный пласт номинативного материала (французского языка) аналитической лексикой [19]; труды его и его последователей стали в свое время самым надежным теоретическим основанием для разработки первого варианта теории синлексикологии автором данной статьи [20–23].

Однако ни в лексикологии и лексикографии, ни во фразеологии как науке о фразеологическом тезаурусе русского языка (включая фундаментальные работы Н.Д. Арутюновой и В.Н. Телии) не ставилось специальных задач или не осознавалось таких социальных заказов, которые потребовали бы выявления

и теоретического осмысления аналитического лексического пласта номинативного материала русского языка – его синлексики.

Между тем в лексикографическую службу отечественной лингвистики издавна и широким потоком поступал и поступает молчаливый и до сих пор не услышанный социальный заказ на специальный толковый словарь синлексики русского языка. Заказ этот поступает из нескольких адресов: во-первых, из практики словарной и орфографической работы на школьном уроке; во-вторых, из практики чтения научных, публицистических, художественных текстов начинающими, да и в той или иной мере продвинутыми читателями; в-третьих, из страноведческой лексикографии, исходящей из жесткой необходимости освоения учащимися русского языка как иностранного не только собственно словной, но и синлексической «половины» его номинативного состава. До сих пор в двуязычных словарях и в теоретических работах по страноведению единицы типа синлексов вынужденно «увидены», но понимаются как неопределенной природы «устойчивое словосочетание», неотделимое от фразеологизмов и грамматических аналитических форм. Так, в методических пособиях такого рода толкуются не прямые номинативные значения синлексов, а их этимологические истоки, что само по себе интересно, но не решает основной задачи – точного перевода того или иного синлекса.

Автор данной статьи принял посильное участие в исполнении этих социальных заказов – прежде всего в формате научного руководства несколькими кандидатскими диссертациями, посвященными разным частеречным пластам синлексики [1–2]; далее, в виде учета синлексического материала в учебном пособии по орфографии (соответственно, в орфографическом аспекте) [23] и в учебнике по теории русского языка (в её школьном объеме) [24], а также в виде руководства работой по составлению двух двуязычных словарей – русско-туркменского (рукопись) и русско-монгольского [25] и составления «Толкового словаря устойчивых словосочетаний русского языка» (рукопись).

Кстати сказать, в ходе составления двуязычных словарей, а также выявления и описания синлексического пласта номинативного состава древнерусского [26] и старославянского языков [27] обнаружился факт исторически глубокой укорененности синлексики в славянских языках и его универсального характера по отношению к языкам других типов.

Автор данной статьи полагает, что отчетливый, но до сих пор не осознанный заказ на выявление в полном составе и теоретическое и лексикографическое описание синлексики вызрел в исследовательском пространстве когнитивной лингвистики, о чем уже было сказано выше и что явилось мотивом к написанию этой статьи. Более того, в целях полноты выявления состава языковой картины мира было бы весьма полезно учесть наличный (огромный количественно) состав еще по крайней мере двух пластов тоже составного, но уже выразительно-номинативного (образного, стилистически экспрессивного) материала, который фактически составляет богатую периферию ядерной – собственно номинативной – части языковой картины мира. Речь идет о так называемых оборотах речи и беллетризмах.

Термин и понятие «оборот речи» заимствованы автором из работ Г.О. Винокура 20–30-х гг. прошлого века в значении «общепринятые речевые формулы» [28]. Это устойчивые словосочетания, в которых предметное (сигнификативного типа) лексическое значение осложнено дополнительным, модусным по природе и экспрессивным по семантическому качеству (метафорического типа) смыслом и зарядом [29. С. 186]. Приводится список оборотов речи для оценки их как элементов языковой картины мира:

азбучная истина	переходить все границы
вопиющее безобразие	оставлять желать лучшего
щекотливый вопрос	переступать черту
подмоченная репутация	сломать лед молчания
закругленная фраза	смотреть правде в лицо
высокие материи	сказать последнее слово
жалкие потуги	находиться в стесненных обстоятельствах
пустые домыслы	играть первую скрипку
досужие разговоры	срывать маску с кого-либо
несбыточные мечты	в апогее славы
дитя природы	в (одно) мгновение ока
бремя славы	в духе времени
заговор молчания	по последнему слову науки
колесо фортуны	в годину испытаний
угрызения совести	под давлением обстоятельств
гвоздь программы	в глубине души
загадка природы	из лучших побуждений
веление времени	во всем блеске
вопрос жизни и смерти	в широких кругах
эхо войны	
зов предков	
лоно природы	

Беллетризмы – устойчивые, стереотипные словосочетания, имеющие художественный по природе, но неяркий, частично стертый от долгого и частого (и в то же время неизбежного) употребления в художественных текстах смысловый заряд [30]. Список беллетризов:

порыв ветра	перевести дыхание
поток света	потерять нить разговора
раскат грома	переминаясь с ноги на ногу
взрывы смеха	вздрыгнуть от неожиданности
шум прибора	вскочить на ноги
рокот волн	опуститься в кресло
шелест кустов	забыться глубоким (беспокойным) сном
шум голосов	вырваться из чьих-либо объятий
звук шагов	не проронить ни единого слова
топот ног	смерить кого-либо взглядом
говор волн	поводить глазами из стороны в сторону
копна волос	
вздых облегчения	

на склоне дня	перевести дыхание
под покровом ночи	перебирать что-либо в памяти
с отсутствующим видом	провести рукой по лицу
при загадочных обстоятельствах	откинуться на спинку стула
при свете дня	замедлить шаг
в последних лучах заходящего солнца	вздрыгнуть от неожиданности [23].

И обороты речи, и беллетризмы в той же мере должны быть учтены в рамках номинативного состава языка и языковой картины мира, в какой в них учтены стилистически нейтральные слова.

В свете сказанного выше встает вопрос, почему синлексика как таковая и сопутствующие ей мощные пласты номинативно-выразительного материала (оборотов речи и беллетризов) до сих пор не занимают должного места в зоне ясного (рефлексивного) лингвистического сознания. И ответ возможен только один: из-за всё еще недостаточно глубокого проникновения в лингвистическое сознание функционального подхода к фактам языка.

При этом под функциональным подходом в данном случае достаточно понимать рассмотрение того или иного факта языка, тех или иных его единиц не только в структурном и имманентном семантическом плане, но и под углом зрения функции (работы), которую та или иная единица языка выполняет в составе единицы более высокого системного уровня, включающей в себя рассматриваемую единицу в качестве составной и рабочей части (элемента) [31–32], далее – в рамках целого (того или иного) языкового дискурса языка (политического, научного, литературно-художественного) и в конечном счете всей языковой картины мира.

Между тем относительно синлексики русского языка в лингвистике сохраняется положение дел, которое С.Д. Кацнельсон (применительно к фактам грамматической системы) образно обозначил как «морфологический дальтонизм», вследствие чего некоторые существенные грамматические категории русского языка (например, так называемая артиклевая функция) не были выявлены и исследованы по той причине, что не имеют обязательных и однородно морфологических способов и средств выражения. Это так называемые скрытые категории языка.

Как бы обратным логическим ходом в число скрытых категорий попала и синлексика русского языка: именно лежащая на поверхности, доступная лингвистической визуальности морфологическая (и изоморфная ей графическая) раздельнооформленность и двуполярность синлекса (наличие у каждой лексы в его составе своего грамматического аффикса) скрыли от мышления морфологического типа их семантическую цельность и корпоративную функциональную направленность обеих лекс в составе каждого синлекса на один отдельный факт действительности: предмет, явление, признак, действие, процесс, обстоятельство и т.п.

Заслуживает упоминания тот факт, что грамматическая двуполярность синлексов – тоже только кажимость: корпоративная (солидарная, по Э. Косериу) направленность каждого синлекса на отдельный факт действительности приводит к перерождению грамматической семантики одного из аффик-

сов в лексическую и втягиванию её в лексическое значение синлекса в качестве одной из его сем [1–2].

Часто в отношении синлексики проявляется и другой вид лингвистического дальтонизма – так сказать, метафорической разновидности. Выявив в семантическом содержании синлекса момент переноса значения (*глазное яблоко, оркестровая яма, черный ход* и под.), исследователи вопреки его чисто номинативному, «деловому» функционированию относят его к фразеологизмам – в самом широком их понимании. Между тем это не востребуемая образность, которая возникла в синлексе по причине использования при его образовании одного из соответствующих способов – механизма переноса значения, результат которого – метафоричность – не востребован при функционировании синлекса.

Что касается автора этой статьи, то в его исследовательской практике функциональный угол зрения на синлексику сформировался в ходе решения совсем другой задачи – описания системы стилистических фигур, базирующихся на адъективном словосочетании (как синтаксической основе этих фигур) и широко употребляемых в так называемых искусствоведческих текстах [35]. Дело в том, что основным элементом формы выражения стилистических смыслов этих фигур (логического смысла противопоставления двух фактов реальности по их признакам, эмотивного смысла подчеркивания каких-либо признаков предметов и т.п. [27]) является инверсия атрибутива (прилагательного) относительно субстантива (существительного); например: *«Длинной вереницей тянутся в творчестве Чехова люди утомившиеся, бездеятельные, разочарованные»* [36. С. 86]. При этом тот или иной стилистический смысл в той или иной фигуре формировался с участием лексического значения атрибутивов и субстантивов. И вот в ходе испытания разных по лексическому наполнению адъективных словосочетаний с помощью трансформации «препозитивно-постпозитивное положение атрибутива относительно субстантива» и был постепенно обнаружен огромный пласт устойчивых лексосочетаний, которые в принципе не могут быть подвергнуты такой трансформации и потому стать основанием стилистических фигур такого типа. Впоследствии из этого пласта материала были вычленены как его функционально-стилевые разделы **синлексы, обороты речи и беллетризмы**.

Важно подчеркнуть именно функциональный поворот внимания к синлексическому материалу в описанной выше исследовательской ситуации, хотя и давший отрицательный прямой результат: именно неспособность синлексов к исполнению каких-либо стилистических функций и сделала их видимыми – сперва для бокового лингвистического зрения, а впоследствии и для прямого.

Для доказательства необходимости учитывать синлексический материал в ходе выявления каких-либо лексико-семантических полей как фрагментов языковой картины мира приводятся два таких адвербальных поля – с концептами «цель», «способ действия», «время» и ядерными лексемами «цель», «порядок» и «время»:

цель	порядок
в корыстных целях	в алфавитном порядке
в рекламных целях	в индивидуальном порядке
в целях безопасности	в обратном порядке
в целях профилактики	в обязательном порядке
в целях рекламы	в одностороннем порядке
в целях пропаганды	в срочном порядке
в целях самообороны	в плановом порядке
без определенной цели	в хронологическом порядке
без всякой цели	в установленном порядке
	в шахматном порядке
	в частном порядке
	в порядке очереди
	в порядке исключения
время	
в ближайшее время	в свободное от работы время
в зимнее время	в то же самое время
в весеннее время	в удобное для вас время
в летнее время	в любое время
в дневное время	в любое время дня и ночи
в ночное время	в любое время суток
в утренние часы	в любое время года
в вечернее время	в любое другое время
в наше время	во время войны
в это время	во время каникул
в то время	во время отпуска
в последнее время	во время перерыва
в настоящее время	во время сна
в рабочее время	во время работы
в свободное время	время от времени ²

В деле о синлексах у стороны их защиты от «морфологического дальтонизма» есть еще одно доказательство – эксперимент, цель которого дать его участникам (носителям языка) возможность на практике убедиться в том, что каждый синлекс в приведенных ниже парах фраз соотнесен со «своим собственным» фактом действительности, отличным от того, с которым соотнесены отдельные его лексические элементы:

Из ямы доносились звуки скрипки. – Из оркестровой ямы доносились звуки скрипки.

*Врач обследовал мое дно³. – Врач обследовал мое глазное дно.

Его посадили на стул. – Его посадили на электрический стул.

*Я шар чуть не весь обошел. – Я земной шар чуть не весь обошел.

² Использован материал из готовящейся диссертации Е.В. Цой «Адвербиальные конверсивы в русском языке».

³ Звездочки обозначают неотмеченный характер фраз.

В заключение следует еще раз эксплицировать главный аргумент защиты синлексики как таковой: без учета в полном объеме синлексического номинативного материала любому исследованию, имеющему дело с номинативным материалом языка, грозит количественная неполнота и содержательная ущербность всех лексико-семантических построений и вытекающая отсюда неадекватность выводов реальному положению дел в языке.

Литература

1. *Вяничева Т.В.* Субстантив-субстантивная синлексика современного русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000.
2. *Никиенко И.В.* Адъективные конверсивы в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002.
3. *Гречко Е.В.* Когнитивно-семантическое моделирование образов счастья в дискурсе различных жанровых реализаций (на материале русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004.
4. *Никитина Л.Б.* Образ-концепт «Homo sapiens» в русской языковой картине мира как объект антропоцентристской семантики: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2006.
5. *Кругликова Е.А.* Диахронное и синхронное описание концепта «надежда» в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Абакан, 2004.
6. *Коськина Е.В.* Внутренний человек в русской языковой картине мира: образно-ассоциативный и прагматический потенциал семантических категорий «пространство», «субъект», «объект», «инструмент»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004.
7. *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
8. *Резицина К.В., Тюрина Г.П., Широкова Л.И.* Устойчивые словосочетания русского языка. М., 1976.
9. *Дерибас В.М.* Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. М., 1983.
10. *Архангельский В.Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов н/Д, 1964.
11. *Иванникова Е.А.* Устойчивые именные словосочетания как предмет фразеологии и лексикографии // Современная русская лексикология. М., 1966.
12. *Словарь сочетаемости слов русского языка.* М., 1983.
13. *Фортунатов Ф.Ф.* Избранные труды. М., 1956. Т. 1.
14. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941.
15. *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1.
16. *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
17. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
18. *Коссериу Э.* Лексические солидарности // Вопросы учебной лексикографии. М., 1969.
19. *Левит З.Н.* К проблеме аналитического слова во французском языке. Минск, 1968.
20. *Климовская Г.И.* Субстантив-атрибутивная синлексика современного русского языка. Томск, 1978.
21. *Климовская Г.И.* О синлексическом слое словарного состава современного русского языка // Лексикологический сборник. Барнаул, 1977.
22. *Климовская Г.И.* Субстантив-атрибутивная синлексика современного русского языка. Томск, 1978.
23. *Климовская Г.И.* Русская орфография – быстро и надежно: Таблицы. Алгоритмы. Упражнения. Томск, 2001.
24. *Климовская Г.И.* Русский язык: Теория (для средних школ). Томск, 2005.
25. *Дэлэгнямын Нямаа.* Русские синлексы и их семантические соответствия в монгольском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004.
26. *Климовская Г.И.* О синлексическом слое словарного состава русской народно-разговорной речи XVII – начала XVIII в. // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. Вып. 2.
27. *Климовская Г.И.* Синлексика старославянского языка // Древние языки в системе университетского образования. М., 2000.

-
28. Винокур Г.О. Культура языка. Л., 1929.
29. Климовская Г.И. Оборот речи как композитивная номинативно-выразительная единица русского литературного языка // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2003. Вып. 2, ч. 1.
30. Климовская Г.И. Беллетризм как единица художественного (прозаического) текста: сущность и функции // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 296.
31. Щедровицкий Г.П. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964.
32. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и её современный статус // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1994. Т. 53, № 2.
33. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
34. Климовская Г.И. Феномен искусствovedческого текста // Проблемы литературных жанров. Томск, 1999. Ч. 1.
35. Климовская Г.И. Русская атрибутивная конструкция в стилистическом аспекте. Томск, 1986.
36. Лакишин В. Толстой и Чехов. М., 1963.